

К концепции общественно-государственной культурной политики России

Парадигмы социокультурных технологий в культурной политике

Рассмотрение различных моделей и концептуальных подходов к культурной политике приводит к выводу о необходимости при формировании современной общественно-государственной культурной политики взаимодействия трех секторов отрасли культура – *государственного, частного и общественного*.

Реализация общественно-государственной культурной политики предполагает создание партнерских двусторонних структур, способствующих вовлечению в процесс культурной политики необходимых специалистов, общественных деятелей, творческие силы. Но это возможно только, если привлекаемые к процессу управления люди будут по-настоящему готовы к такому сотрудничеству. Сегодня, если подобное участие и возникает, то чаще на меркантильный основе. От государственных органов заинтересованные лица ожидают, прежде всего, дополнительного финансирования, часто не особо связывая себя встречными обязательствами по отношению к государству (случаи коррупции чиновников, естественно, не в счет).

Нужно изменить характер такой заинтересованности. Органы отрасли культуры всех уровней должны в первую очередь осуществлять информационное и правовое обеспечение отрасли. Это и правовая защита, арбитраж, консультирование, нормотворчество, информационная поддержка, формирующая положительный имидж, способствующая престижу данного вида культурного обслуживания. Это и финансовая поддержка, но как результат (а не изначальное условие) творческого диалога органов управления в отрасли культуры со специалистами в правовом пространстве с соответствующим научно-информационным обеспечением.

В этой связи важно исходить из зафиксированных в исследованиях трех основных парадигм социокультурных технологий, актуальных для разрешения различных общественно значимых проблем: *согласия, конфликта и переговоров*. Каждая из них имеет определенное отношение к возможной стратегии культурной политики как ведущая.

Парадигма согласия в социокультурном взаимодействии людей, по мнению исследователей, наиболее успешно реализуется при следующих условиях:

«– люди разделяют одни и те же ценности, одинаково определяют значимые социальные и культурные проблемы; имеют сходные культурные запросы и интересы;

- члены группы пользуются общим «культурным языком», одинаково интерпретируют те или иные события, явления социальной и культурной жизни;
- в группе преобладает атмосфера доверия, взаимных симпатий и привязанностей, стремление помочь друг другу» [1, с. 20].

Позитивное начало групп согласия для государственной культурной политики заключается в создании общего «аксиологического поля» в культуре, разнообразных ценностей и социально-культурных смыслов, способных объединять людей. Но при этом важно, чтобы основными субъектами ее реализации с помощью государства были общественные структуры («третий сектор»). В противном случае есть реальная опасность тоталитарного подавления государственными структурами реального инакомыслия во имя «общественного согласия» или перманентной социальной войны друг с другом различных «групп согласия». Искусство государственных органов управления в данном случае может сводиться к обеспечению конструктивного диалога между различными группами согласия и самих этих групп с государственными и институциональными структурами в целях обеспечения разнообразия и сохранения всех субкультур региона.

Исследователи выделяют также культурные сообщества, объединения, основанные на согласии, которые желательно поддерживать в контексте культурной политики. Чаще всего это:

- профессиональные сообщества, функционирующие как творческие союзы самых различных специалистов в сфере культуры; такие объединения служат, прежде всего, устойчивой экологической нишей для творческих работников, не всегда в должной мере востребованных обществом;
- нетрадиционные педагогические сообщества, складывающиеся вне официальных образовательных структур как дополнение к современному образованию (например, студии комплексного развития дошкольников, физкультурно-оздоровительные объединения и пр.);
- различные социально ориентированные политизированные объединения, чья деятельность не противоречит нормам права, уголовного законодательства (партии, политические клубы, национальные центры, экологические клубы и т. д.);
- коллективы, группы, ориентированные на достижение «жизнестроительных» ценностей: совершенствование образа жизни участников коллектива и его ближайшего окружения, сохранение ценностей традиционного уклада жизни отдельных поселений, трансляцию культурных традиций от поколения к поколению, культурную и социальную самоидентификацию (коллективы аутентичного фольклора, клубы самодетельной песни, этнографические ансамбли, религиозные общины, клубы «здорового образа жизни» и пр.).

Все эти группы, объединения могут рассматриваться как важный резерв привлечения самого населения к государственной культурной политике в качестве ее полноправного субъекта.

Если говорить о *парадигме конфликта*, то, по мнению исследователей, наиболее частыми исходными внешними предпосылками возникновения конфликтных ситуаций в социокультурной среде являются:

- дефицит у одной из сторон социального взаимодействия ресурсов, необходимых для успешного ее функционирования. Соответственно конфликт разгорается вокруг доступа к источникам ресурсов. Применительно к отрасли культуры их принято трактовать достаточно широко. Это не только финансовые средства, но и кадровое обеспечение отрасли, ее материально-техническая база, помещения, оборудование и т. д. Конфликтная ситуация на основе дефицита ресурсов в сфере культуры чаще всего проявляется в «правовом поле»;
- социальное неравенство как предпосылка конфликта. В сфере культуры чаще всего конфликт возникает из-за отсутствия возможностей участия в деятельности учреждений культуры той или иной социальной группы (не всегда только из-за отсутствия материальных возможностей). Основная проблема – удовлетворение культурных запросов членов различных социальных групп независимо от сложившейся системы культурного обслуживания (эти запросы могут быть самыми экстравагантными, но от этого не менее значимыми для данной группы);
- расхождение в ценностных ориентациях и нормативах, регулирующих социальную и культурную жизнь. Эта предпосылка возникновения конфликтной ситуации появляется, когда работники, деятели культуры втягиваются в социально-политическую борьбу на основе известного призыва властей: «С кем вы, мастера культуры?». К сожалению, в «официальной» культурной политике эта тенденция продолжает иметь место.

Наиболее соответствующей парадигме конфликта является модель культурной политики, реализуемая под лозунгами модернизации. Она чаще всего развивается в конфликтогенном социально-культурном пространстве ввиду того, что российское общество остается в значительной мере ориентированным на традиционные, консервативные ценности, патерналистские отношения с государственными структурами. «Цивилизаторам» приходится постоянно нагнетать конфликтную ситуацию в сфере идей

и культурных нормативов для того, чтобы изменить ментальность населения в модернизационном направлении.

Исследователи социально-культурных технологий отмечают факт кратковременной эффективности вышеназванных парадигм как норм взаимодействия. Парадигмы согласия и конфликта могут быть конструктивными для начала решения проблем или для разрешения отдельных проблемных ситуаций в социокультурной жизни. Это объясняется объективными закономерностями социального взаимодействия. Парадигма согласия рано или поздно приводит к провозглашению известного принципа «Против кого дружим?». Чем больше та или иная социокультурная группа замыкается на согласии, тем больше ее чувство «мы» служит средством обострения отношений с остальными. Поэтому в той мере, в какой в обществе доминирует установка на согласие ради согласия, сокращаются шансы у тех, кто хотел бы реально участвовать в существенном изменении социокультурной ситуации, но не принадлежит к разряду конформистов. А это в свою очередь сказывается отрицательным образом на самом качестве социальной и культурной жизни, так как «править бал» начинают консервативные силы, озабоченные главным образом только сохранением имеющихся жизненных ресурсов и благ.

Неперспективно также и затягивание конфликта. Анализ большинства конфликтных ситуаций показывает, что по мере эскалации конфликт переводится из плоскости содержательной, «идейной», в личностную (идет борьба не за идеи, ценности, а между отдельными личностями). Кроме того, в перманентной конфронтации, в конечном счете, проигрывают обе стороны, так как в борьбу вовлекаются все новые ресурсы сторон. В результате даже номинальный победитель не может достойно воспользоваться плодами своей победы: у него уже не остается ресурсов на созидательную работу (эффект «Пирровой победы»). Конфликт, как и парадигма согласия, эффективен на начальных или отдельных фазах социального взаимодействия, прежде всего в ситуациях, когда необходимо обострить или обозначить проблему. Но далее он начинает работать только деструктивно.

Вследствие низкой эффективности обеих стратегий для решения социально значимых проблем в качестве наиболее долгосрочной и устойчивой формы социального взаимодействия предлагается *парадигма переговоров*. Ее реализация возможна при рациональном соблюдении следующих фаз разворачивания процесса реального социокультурного взаимодействия: накопление согласия, поиск общих или совпадающих интересов; принятие принципов и идентичностей, предлагаемых для взаимодействия;

выявление личностных свойств, негативно влияющих на ход взаимодействия; взаимная адаптация [6].

Очевидно, что парадигма переговоров, выстроенных таким образом, должна стать стратегической и основной для долгосрочной государственной культурной (и не только культурной) политики. Сама ситуация перманентных переговоров есть известная гарантия учета различных вариантов, оценок последствий социально значимых решений, не наносящих ущерб тем или иным слоям общества. Кроме того, это надежное средство вовлечения в управленческий процесс самых различных субъектов, осуществления необходимых общественных и профессиональных экспертиз и т. д. Наиболее конструктивно применение этой парадигмы именно в разработке различных проектов социально-культурного развития.

Обсуждая альтернативные проекты не от случая к случаю, а в качестве постоянного диалога с различными их авторами и инициаторами, участники переговоров функционируют в постоянно обновляющемся «инновационном» поле, открывающем реальные возможности выработки действительно эффективных решений в социокультурной сфере. В каком-то смысле само обсуждение проектов важнее реализации многих не совсем удачных из них, так как позволяет выстраивать конструктивный стиль отношений государства с различными партнерами в решении социокультурных задач. Даже «утопические» проекты в этом случае могут оказаться полезными как новый аспект рассмотрения проблемы, как проигрывание полезного прогностического сценария. Кроме того, парадигма переговоров делает более осмысленной реализацию культурной политики, повышающей вероятность действительно профессиональной экспертизы предлагаемых проектов.

В этой связи уместно указать на те типичные недостатки отечественной экспертизы социокультурных проектов, которые выделяет Э.А. Орлова, одна из ведущих российских культурологов, и которые могут быть преодолены в переговорном процессе, осуществляемом на всех стадиях проектной работы:

«— предлагаемые к экспертизе программы, проекты, управленческие решения, как правило, предполагают бюджетное финансирование, и потому осуществляются на базе идеологии финансирующих их ведомств, а не с позиции социальной эффективности. Иными словами, несоответствие между интересами инициаторов проекта, поддерживаемых государством, и пользователей является повсеместным, а указания экспертов на такие расхождения остаются без внимания;

— как правило, экспертиза осуществляется в условиях неполной информированности экспертов о реальном положении дел, связанных с проектной

ситуацией; не существует установленных, общепринятых критериев необходимости и достаточности такой информации;

– экспертиза обычно относится к техническим и экономическим аспектам эффективности проектов, которые по содержанию не являются специально ориентированными на организацию социального взаимодействия, но имеют дело с организацией определенных объектов – градостроительных, технических, художественных, информационных и т. п. И хотя действия с подобными объектами имеют серьезные социальные и культурные последствия, такие последствия не оцениваются с точки зрения их социальной эффективности;

– как правило, экспертная работа предполагает значительные затраты времени и усилий; однако к экспертизе чаще всего обращаются тогда, когда проект уже находится в стадии реализации и по ходу дела возникают проблемы и затруднения. Ко времени завершения экспертизы часто оказывается, что в реализацию проекта уже вложены значительные средства, процесс становится необратимым, и экспертиза не помогает» [2, с. 13–14].

Отметим также, что проектирование в сфере культурной политики может быть действенным, если осуществляется с использованием парадигм *согласия* и *конфликта* уже на предпроектной стадии. Проектированию более соответствует *парадигма переговоров, диалога* (в нашем случае это может быть «диалог предпроектных», идей, концепций и т. д.). Но ее использование будет продуктивным при наличии «групп согласия», зафиксировавших свою конфликтность по отношению к другим группам. В проектной работе должны участвовать, прежде всего, «недовольные», способные решать проблемы методом деконструкции устаревших социокультурных форм и их реконструкции применительно к изменившимся условиям. Проектная идеология предполагает поиск общих решений, преодолевающих (но не подавляющих) конфликт, выводящих участников диалога на новый, более высокий уровень решения проблемы.

Соответственно не всякая социально-культурная ситуация является предпроектной. Для этого в ней должны присутствовать обозначенные конфликты интересов различных «групп согласия». Зрелый проект опирается как на их заинтересованность и ресурсы (финансовые, интеллектуальные, информационные и т. д.), так и на «пассионарность» конфликтных напряжений – энергетических двигателей реализации проекта, обеспечивающего перевод противостояния различных сторон в легитимное и конструктивное социокультурное русло. Можно предположить, что большинство социальных потрясений, затянувшихся противостояний в обществе связано с дефицитом проектных инициатив в государственной политике, включая и сферу культурной жизни.

Можно сделать вывод, что проектирование в рамках культурной политики является предпосылкой реального взаимодействия государства с общественными организациями, со структурами гражданского общества в сфере культуры.

В свете вышеизложенного можно сформулировать некоторые принципы культурной политики, обеспечивающей взаимосвязь и сбалансированность различных мировоззренческих ориентиров, представленных в «культурном поле» конкретного региона в виде культурных запросов, ценностных ориентации и гражданских инициатив различных групп населения:

- обеспечение диалога представителей различных субкультур, способствующего процессу выработки и реализации социально приемлемых управленческих решений;
- максимальная гласность, «открытость» для жителей региона всех этапов и аспектов проводимой культурной политики;
- стремление к достижению консенсуса, компромисса между различными субъектами культурной политики, гражданскими культуротворческими объединениями, социальными движениями на основе равных возможностей для социально-культурного творчества и участия в культурной жизни региона.

Взаимодействие «системных» и «жизнетворческих» общественных структур

Сбалансированный подход к развитию культуры общества должен быть основан на постоянном диалоге представителей различных социокультурных позиций, мировоззрений, социальных групп и направлен на увеличение общего интеллектуального ресурса культурной политики. На эту пока еще слабо используемую возможность обращает особое внимание О.И. Генисаретский: «Используя компьютерную метафору, можно сказать, что реализация инновационных программ, а тем более культурной политики предполагает еще одно промежуточное действие, а именно инсталляцию прагматических реальностей, обеспечивающих единство интересов, намерений, целей, объектов и критериев оценки, ожидаемых результатов и открывающихся перспектив. Формами такого действия обычно являются ориентационные семинары, деловые игры, тренинги и т. п., предшествующие разработке технического задания на разработку программ. Благодаря таким мероприятиям достигается предварительное взаимопонимание относительно общего прагматического поля будущей совместной деятельности, уточняемой и управляемой в ходе реализации программы» [3, с. 38].

В качестве факторов, способствующих становлению культуры гражданского общества в России, можно выделить наличие и сосуществование разнообразных

социокультурных смыслов, характерных для разных субкультур, члены которых проявляют взаимную толерантность. Соблюдение этих условий позволяет цивилизованно взаимодействовать в обществе самым разным общественным единицам независимо от их социальных и политических интересов, а им самим конструктивно взаимодействовать с государственными органами и учреждениями.

Для полноценного формирования общественно-государственной культурной политики также необходимо отсутствие конфронтации, конфликта между различными типами общественных объединений. Именно утвердившаяся в нашем обществе непримиримая борьба различных общественных структур, объединений, движений и порождает постоянные социальные напряжения; приводит к исчезновению механизмов реальной модернизации и демократизации в обществе. Этот раскол имеет свою давнюю традицию в истории социально-политической жизни России: начиная от анархических доктрин и программ, отстаивающих якобы интересы «жизненного мира» (а по сути являющихся проявлением тоталитаризма первичного уровня с его «выдавливанием» из самоорганизуемых общин всего «инакового»), и кончая державно-патриотической и даже часто либеральной идеологией, с подозрением и опаской относящейся к стихийной массовой политической активности.

Характерно при этом, что многие отстаивающие интересы населения гражданские и общественные объединения, авангардом которых являются правозащитники, так или иначе претендуют на позиции в «системных», государственных структурах, заместив на них «зарвавшихся» чиновников, ущемляющих права граждан. В свою очередь многие общественные объединения, функционирующие под непосредственным патронажем государства, претендуют на вытеснение из ниш повседневного «жизненного мира» реальных гражданских инициатив под лозунгом «интересов всего общества», которые, по их мнению, всегда выше отдельных частных целей и ценностей. В результате происходит вырождение или мутация общественных структур обоих типов, пытающихся «сесть не в свои сани», изменить содержание своей деятельности по типу оппонента, но сохранить внешнюю форму прежнего общественного объединения.

В этой связи важно выделить как положительную и другую тенденцию – сложившееся «разделение труда» между многими объединениями обоих типов и актуальность возможности (пока слабо реализуемой) их диалога вместо перманентного антагонизма. Это разделение и возможный диалог между ними могут основываться на следующих позициях.

Чем ближе общественное объединение к целевым гражданским инициативам, имеющим общесоциальное значение, тем более оно тяготеет к «государственной» логике,

к системному миру, так как базовой характеристикой системного мира, наиболее полно представленного в государственных структурах, является стремление к установлению общественного порядка в интересах безопасности всех граждан и соответственно к устранению хаоса, бесцельности в социокультурной активности. Соответственно извечный спор – «порядок для всех или свобода отдельных граждан» в этом контексте бессмысленен, поскольку системный мир в конечном счете всегда выбирает упорядоченное целевое поведение, регламентирующее его поставленными социально значимыми целями. В этом его главное предназначение. И наоборот – чем более общественная структура тяготеет к поисковым поведенческим программам (вместо общественно значимых целей поиск новых социокультурных возможностей индивидов, отдельных групп), тем ближе она к повседневному «жизненному миру», функционирующему по собственной социальной логике, предпочитающей личную свободу, инициативу безличному порядку системного мира.

Соответственно у каждого из этих типов общественных объединений «своя правда» и своя социальная логика: у объединений «жизненного мира» – правда человечности, внимания к отдельным индивидам, их благополучию; у «системных» – правда социальной защиты «всех», логика общегражданского патриотизма. Но это разделение идеологием и ценностных установок делает крайне необходимым постоянный диалог, взаимодействие между общественными объединениями обоих типов для достижения консенсуса между «эгоистами» и «альтруистами». Он нужен для установления реальной меры воплощения демократических начал и модернизационных изменений с учетом сложившегося соотношения сил в обществе, его социально-культурной дифференциации, культурных и исторических традиций, менталитета и т. д. Именно в процессе этого взаимодействия формируются реальные условия для общественно-государственной культурной политики, которая не имеет собственной замкнутой «культурной территории», а является производной такого взаимодействия, хотя сами общественные структуры могут как социальные образования существовать в собственной социально-экологической нише, периодически становясь партнерами государства.

Следующее важное взаимодополнение «системных» и «жизнетворческих» общественных структур основывается на факте преобладания «телесных» или «информационно-знаковых» элементов в социокультурной активности. Существование в культуре обоих элементов подчеркивается исследователями как ее имманентная двойственность, воплощающаяся в достижениях предметной, материальной среды и результатах движений человеческого духа. Анализ содержания деятельности «системных»

и «жизнетворческих» общественных объединений показывает, что вторые тяготеют к «телесности» в культурной активности, а первые – к «информационно-знаковому» воплощению этой активности. Отметим, что такое разделение в социальной практике фактически не встречается в чистом виде: речь идет о доминировании в том или ином типе общественного объединения одной из двух составляющих.

Тем не менее, обособление по этому признаку «жизненного» и «системного» миров без взаимодействия между ними приводит к профанированию их культуротворческого потенциала для государственной политики. О последствиях такой автономии, правда уже в собственных категориях, пишет Д. Гильдебран: «В определенном смысле жизненная сфера представляет собой полную противоположность объединению (в нашем контексте это «системный мир». – *А.К.*). Будучи такой же бессодержательной, как и объединение, общность жизненной сферы является чистой *данностью*, в то время как объединение – чистой духовной формой. В первом случае – простая голая общественная материя; во втором – голая общественная форма. Той и другой не хватает содержательной полноты и общность-созидающей эманации содержательной смысловой сферы» [4, с. 233]. Соответственно, задачей культурной политики является обеспечение «встречи» актуального культурно «неоформленного» содержания «жизненного мира» («культура повседневности») и институционально-правовой формы гражданских инициатив «системного мира».

Анализ культуротворческой активности многих общественных объединений, организаций показывает наличие определенного перекоса в этой активности в сторону партикуляризма, частного интереса при неразвитости общесоциальных гражданских устремлений и инициатив. В этой ситуации особенно значимыми являются те из них, которые воспроизводят социальные действия в соответствии с требованиями «Альтер», а не только «Эго». Причем их влияние как меняющих сознание носителей «Эго» в направлении альтруизма является в российской действительности достаточно уникальным, так как основано не на административно-правовом давлении, а на формировании гуманистического морального сознания через соответствующий добровольный выбор социального поведения. Именно эта добровольность (которая возможна в реальной инкультурации диалогового типа) есть гарантия необратимости позитивного формирования гражданского самосознания и гражданской морали. Выпадение из культуры общества целенаправленных процессов, инициирующих добровольный выбор альтруистических ценностей, приводит к существенному сужению возможностей моральных норм в управлении социальным поведением индивидов, так как вне этих процессов, как справедливо замечает Э.А. Орлова, «следование моральным

предписаниям всегда является в какой-то степени вынужденным, и такая конформность «Эго» ценится со стороны «Альтер» ниже, чем если бы она была не морально предписанной, но добровольной <...> стремление руководствоваться разделяемым моральным кодексом, хотя и служит определенным гарантом вознаграждения, но способствует сокращению его размера с течением времени» [5, с. 53].

Другими словами, выбор гражданами поведенческих «альтер-стратегий» содержит вознаграждение в себе самом (чувство морального удовлетворения). И чем более привычным для членов общества становится этот выбор, тем более «естественным» он становится в культуре в целом. При этом мера обязательного вознаграждения извне как мотива общественной активности уменьшается и становится, таким образом, показателем общей гражданской зрелости общества.

В современной социально-культурной ситуации отечественные общественные объединения пока чаще являются социально-экологическими нишами для тех индивидов, которые по тем или иным параметрам не вписаны в устойчивую структуру официального социума («системный мир»). Эта неписанность может возникать из-за социально-статусных барьеров, жестких ценностных нормативов, размытости границ между «своими» и «чужими» в рамках «официальной» общности, неопределенности толкований жизненно важных смыслов и значений в иницилируемых государством общественных и профессиональных образованиях, из-за узкой специализации социокультурных функций, жесткой иерархии соподчинения в «официальном» сообществе. Все эти характеристики «системного мира» могут блокировать многие частные общественные инициативы. При таких условиях обращение индивидов к «внесистемным» гражданским инициативам и структурам является не только своеобразной социокультурной компенсацией по отношению к ограничениям их участия в государственных или создаваемых государством структурах, но и условием социального, а иногда и биологического выживания.

Не случайно в этой связи в исследовании Ю.М. Резника обосновывается утверждение о возникновении синтеза системного и жизненных миров в гражданском обществе через антропосоциосинтез, т. е. через органичное объединение в активности его субъектов природных особенностей, соответствующих им социальных стремлений и культурных значений, символов. Последние представляют собой «своеобразные кодексы профессиональных, межэтнических и иных добровольных объединений, образующихся для защиты и выражения отдельных слоев и групп социума» [6, с. 103].

Возникает все же вопрос: насколько реальны постоянные конструктивные переговоры представителей «жизненного» и «системного» миров, создающие устойчивое пространство для их партнерства в контексте общественно-государственной культурной

политики? Механизм таких переговоров раскрывает В.А. Лефевр. Им был предложен в качестве единицы переговоров – такт, который состоит из двух ходов, описываемых следующим образом: «Введем два типа тактов: в такте первого типа первый ход делает А-система, в такте второго типа – В-система. При взаимодействии систем в такте должны выполняться следующие два правила: 1) сторона, делающая первый ход в такте, не может нанести ущерба другой стороне, т. е. сторона, имеющая преимущество хода, не может улучшить свою структуру за счет увеличения диссонанса другой стороны; 2) сторона, делающая второй ход в такте, не может свести на нет улучшение организации, полученное другой стороной в результате первого хода» [7, с. 11].

Именно такая стратегия диалога государственных и общественных структур в процессе решения проблем культуры представляется основной предпосылкой формирования общественно-государственной культурной политики.

Организационные предпосылки формирования новой культурной политики

Осуществление такого рода взаимодействия предполагает необходимость двух этапов решения каждой из основных задач государственной культурной политики.

На первом этапе при решении определенной социально значимой задачи средствами государственной культурной политики:

- органы культуры разрабатывают проекты нормативных документов, программы, инструкции и другую документацию, обеспечивающую правовое поле и легитимность намеченных действий;
- решения проходят апробацию в третьем (общественном) секторе культуры через подключение к их обсуждению независимых экспертов, заинтересованной общественности, гражданских структур, творческих союзов и т. д. То есть осуществляется профессиональная и моральная экспертиза предлагаемых решений.

Эта процедура, конечно, не исключает участия независимых экспертов в первоначальной стадии подготовки решений, и в этом случае их дополнительная апробация и обсуждение обеспечивают гласность и демократизм культурной политики, формирование реальной заинтересованности в ее поддержке различных групп общественности, профессионалов, деятелей культуры, потенциальных инвесторов и т. д.

Что касается финансовых средств, направляемых на поддержку отрасли культуры заинтересованными инвесторами (второй сектор)¹ через экспертизу их использования в

¹ Поддержка общественных фондов, местных добровольных инициатив и экспериментов в сфере искусства, творческих союзов, значимых социальных программ, политических и избирательных кампаний и т. д.

третьем секторе, то они должны играть важную роль в поддержке и развитии учреждений культуры. Это, конечно, не означает, что основным источником финансирования отрасли культуры станет коммерческий сектор (американская модель). Речь идет о том, что во всех случаях посредником между государством и коммерческими структурами должен быть третий (некоммерческий) сектор в аспектах, как законодательства, так и ресурсного обеспечения отрасли культуры. При этом предполагается, что доминировать будет принцип встречного финансирования: государство поддерживает в первую очередь уже имеющиеся социально значимые культурные инициативы через соответствующие целевые программы, проекты и создает дополнительные правовые возможности для вложения средств в объекты и учреждения, которые признаны обществом как социально значимые и составляют национальное достояние².

Второй этап взаимодействия государственного, частного и общественного секторов при решении задач культурной политики государства означает:

- включение министерства в процесс бюджетного финансирования после определения реальной платежеспособности населения и возможностей использования финансовых возможностей коммерческого сектора для поддержки сферы культуры;
- учет юридического права объектов отрасли на бюджетное финансирование после того, как исчерпаны возможности их внебюджетного ресурсного обеспечения.

Проблема эффективного финансирования отрасли культуры в значительной мере будет облегчена, если уже на первом этапе управленческого цикла в нем будут участвовать в качестве равноправного субъекта представители третьего сектора (независимые эксперты, члены общественных организаций, инициативных групп и т. д.).

Реализация общественно-государственной культурной политики возможна при условии создания определенных организационных предпосылок, в том числе правового, экспертного и информационного характера.

Проблема формирования *правового поля сферы культуры* имеет несколько важных аспектов. Один из них – низкая правовая культура большинства субъектов культурной политики: административно-управленческого персонала всех уровней, творческих работников, пользователей учреждений культуры. Необходимо не только совершенствование и дальнейшее развитие законодательства в этой сфере, но и обеспечение действенности уже имеющихся правовых норм. Повышение общего уровня правовой культуры всех субъектов культурной политики, как государственных, так и

² Экспертиза по отнесению объектов, учреждений к таковым осуществляется через третий сектор.

негосударственных, предполагает умение ориентироваться в правовых нормах, не только непосредственно связанных с отраслью культуры, но и в общегосударственных, и соответственно, наличие навыков использования нормотворческих достижений других ведомств. В этой связи актуально создание:

- системы независимого общественно-государственного правового контроля с подключением широкого круга экспертов;
- постоянно действующего правового мониторинга проблемных ситуаций в сфере культуры с участием необходимых специалистов, представителей общественности;
- структуры оперативного реагирования на ситуации, наносящие ущерб отрасли культуры, ее специалистам, культурным правам населения;
- институтов правового консультирования в различных подотраслях культуры на федеральном, региональном и муниципальном уровнях; платных юридических служб по различным аспектам деятельности в сфере культуры.

Одно из приоритетных направлений совершенствования правовой базы общественно-государственной культурной политики – правовое сопровождение приватизации и акционирования учреждений культуры. Специальные экспертно-правовые службы, правовые центры могли бы стать консультантами, контролерами и инициаторами этого процесса. Основанием для их заключений становится экономический анализ деятельности учреждений культуры и возможностей изменения их правового статуса для решения актуальных социальных задач.

Для укрепления правовой базы сферы культуры особое значение имеет укрепление союза с коммерческими структурами при лоббировании отраслевых интересов в законодательных органах. Очевидно, что необходим специальный социально-экономический и социально-политический анализ потенциальных выгод для отечественного бизнеса, участвующего в лоббировании законодательства в области культуры. На этом основании можно строить соответствующие стратегии взаимодействия с коммерческими структурами.

Взаимодействие государственных и общественных структур оказывается плодотворным, когда речь идет о привлечении *экспертного сообщества* к решению культурных проблем. В настоящее время такая практика при разработке и реализации государственной культурной политики носит половинчатый характер. Каждая подотрасль культуры, имея свой круг квалифицированных специалистов, тем не менее испытывает дефицит экспертной помощи при решении проблем разного уровня. Кроме того, сам подбор экспертов в значительной мере отмечен субъективностью, преодоление которой в

данной ситуации невозможно из-за ее парадоксальности. Представители органов управления являются заказчиками экспертных разработок, не будучи в полной мере специалистами в оцениваемой области, а сами специалисты не могут знать всех нюансов, значимых для реальной культурной политики. Выходом из этой зачастую тупиковой ситуации является активизация экспертной функции не только соответствующих ведомственных научно-исследовательских институтов, но и различных проблемных групп, центров, общественных лабораторий, создаваемых по инициативе научной общественности, регулярно привлекаемой к решению задач государственной культурной политики.

Очевидно, что сегодня далеко не исчерпаны возможности делового партнерства государства и *с национально-культурными организациями*. Не дожидаясь системного взаимодействия с государственными структурами, представители национально-культурных движений создают собственные структуры, решающие те или иные задачи культурной политики: национально-культурные центры, землячества, фонды, клубы и т. д. Органы отрасли культуры могли бы взять на себя оказание правовой и информационной поддержки этим организациям, привлечение спонсоров и меценатов к их проектам. С другой стороны инициаторы национально-культурных инициатив на местах могли бы стать организаторами необходимых финансовых потоков для поддержки и развития соответствующей сети учреждений культуры и творческих коллективов.

Важнейшее условие выстраивания национально-культурной стратегии модернизации российского общества предполагает организацию (с полноценным финансированием на федеральном уровне) постоянно действующего мониторинга состояния национальных культур, соответствующих материально-технических и финансовых ресурсов их поддержки.

Сложившаяся практика создания региональных программ развития культуры имеет широко распространенный недостаток – преимущественную ориентированность на внутреннюю организацию уже существующей сети учреждений культуры, объектов культурного наследия при недостаточном внимании к вовлечению самого населения в социокультурные процессы. В результате существенного изменения качества социокультурной ситуации в регионах не происходит. Наиболее эффективными для преодоления такого положения дел могут быть *региональные программы, оформляющие и развивающие местные социокультурные инициативы* по принципу встречной поддержки основных «точек роста», а не всей отраслевой инфраструктуры в регионе. Именно здесь и может пригодиться институт независимой общественной экспертизы, анализирующий предпрограммную (предпроектную) ситуацию и формирующий техническое задание на

региональное программирование, привлекающий соответствующих исполнителей, обосновывающий финансирование принятых к реализации программ и проектов и т. д.

Региональные программы культурного развития должны носить межведомственный характер, осуществляться в координации с ведомствами, ответственными за решение социальных проблем (ведомства соцзащиты, образования, здравоохранения, внутренних дел и т. д.). Соответственно и финансирование таких программ должно осуществляться с долевым участием этих ведомств.

Для повышения эффективности государственной культурной политики необходимо создание на основе бюджетного и внебюджетного финансирования *единой сети отраслевых информационно-аналитических центров* на всех организационных уровнях, а также *системы мониторинга общего состояния отрасли культуры в регионах* на основе не только количественных, но и качественных показателей (социальная эффективность деятельности инфраструктуры отрасли культуры)³.

Функционирование подобных структур должно обеспечить:

- эффективный контроль за использованием культурного и природного наследия, за состоянием объектов и учреждений культуры, составляющих национальное достояние страны;
- анализ использования средств и источников финансирования отрасли культуры на федеральном и региональном уровнях⁴;
- государственное регулирование и межотраслевую координацию работ по изучению и использованию культурных ресурсов территорий, регионов;
- фиксацию и государственную регистрацию всех существенных разработок, связанных с изучением состояния отрасли культуры в регионах.

Соответственно выполнение этих требований возможно при условии полноценного финансирования соответствующей информационной деятельности и вовлечения в нее широкого круга независимых экспертов.

Определение показателей, обеспечивающих относительно объективную картину о культурном пространстве России, предполагает информационную взаимосвязанность органов управления в сфере культуры всех уровней с другими субъектами культурной политики, представляющими прежде всего социальную и образовательную сферы.

³ Особая роль в этой работе может принадлежать анализу центральной и региональной прессы, отражающей мнение широкого круга специалистов, общественное мнение в отношении актуальных проблем культуры.

⁴ Сбор этой информации и его результаты должны быть «прозрачны» для широкой общественности.

Вся информационная деятельность, обеспечивающая эффективность государственной культурной политики, должна включать в себя следующие звенья общего информационного технологического процесса:

- диагностирование состояния отрасли культуры в регионах;
- информационную экспертизу состояния культурной политики в регионах с участием широкого круга независимых экспертов;
- разработку прогнозов и принятие управленческих решений на основании диагностики и экспертизы состояния учреждений культуры регионов.

Список литературы

1. Орлова Э.А., Филонов Л.Б., Каменец А.В. Технологии формирования и реализации социокультурной политики // Ориентиры культурной политики / Информ. сб. Вып. 6. – М: ГИВЦ, 1996. – С. 3–74.
2. Орлова Э.А. Теоретические основания построения критериев, оценки программ (проектов) социокультурного развития // Панорама культурной жизни стран СНГ и Балтии. Вып.9. – М.: Информкультура, РГБ, 1998.
3. Генисаретский О.И. Навигатор: методологические расширения и продолжения. – М.: Путь, 2002.
4. Гильдебран Д. Метафизика коммуникации. – СПб.: Алетейя, 2000.
5. Орлова Э.А. Введение в социальную и культурную антропологию. – М.: МГИК, 1994. – 214 с.
6. Резник Ю.М. Гражданское общество. – М.: Моск. соц. ун-т, 1998.
7. Лефевр В.А. Конфликтующие структуры. – М.: Сов. радио, 1973.